

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мюзик-холл на Гроув-Лейн	5
<i>Глава первая,</i> в которой Эффи Крамбл и Имоджен Прайс предпочитают смирению месть, а Марджори Кингсли и Лавиния Бекхайм терзаются ревностью.....	7
<i>Глава вторая,</i> в которой дневное представление в театре «Эксельсиор» оказывается несколько пикантнее, чем надеялись зрители, а Эдди Пирса ожидает жестокое разочарование	31
<i>Глава третья,</i> в которой Оливия Адамсон обзаводится жильем на Аберкорн-Плейс и получает письмо.....	58
<i>Глава четвертая,</i> в которой Оливия Адамсон прибывает в пансион на Камберуэлл-Гроув и получает от брата предложение, которое ей категорически не нравится.....	65
<i>Глава пятая,</i> в которой Оливия Адамсон сводит знакомство с почтенной мисс Джени, постигает изнанку магических иллюзий и узнает много интересного о Люсиль Бирнбаум.....	82
<i>Глава шестая,</i> в которой Оливия проводит вечер в мюзик-холле на Гроув-Лейн, а после представления ее ждет скромный ужин в пансионе и домашний концерт	107
<i>Глава седьмая,</i> в которой судьба почтальона мистера Брэдшо меняется к лучшему, а Оливия получает посылку и дельный дружеский совет	137
<i>Глава восьмая,</i> в которой Оливия проводит смелый эксперимент, не следует ничьим советам и теряет главную улику.....	153
<i>Глава девятая,</i> в которой сержант Гатри получает выволочку от инспектора Тревишера, а Оливия перевоплощается в ассистентку иллюзиониста Зельду и на собственном примере постигает, как нелегок труд артиста	176

<i>Глава десятая,</i> в которой Оливия получает подарок на долгую память и узнает от горничной Элис ценную информацию.....	207
<i>Глава одиннадцатая,</i> в которой Имоджен Прайс доводит Оливию и Мамашу Бенни до слез.....	215
<i>Глава двенадцатая,</i> в которой «Лицедеи Адамсона» предвкушают успех, а Оливия продолжает вести расследование, прерываясь лишь на устрицы и шампанское.....	238
<i>Глава тринадцатая,</i> в которой инспектор Тревишем сообщает Оливии весьма ценные сведения.....	250
<i>Глава четырнадцатая,</i> в которой Лавиния Бекхайм мечтает о спелых вишнях, могильщик с кладбища Святой Хильды совершает выгодную сделку, а Оливия Адамсон находит тайник.....	277
<i>Глава пятнадцатая,</i> в которой Оливия раскрывает тайну Рафаила Смита, а инспектору Тревишему предстоит долгая и трудная ночь в пансионе на Камберуэлл-Гроув	294
<i>Глава шестнадцатая,</i> в которой инспектор Тревишем проникается стойкой неприязнью к актерам, фокусникам и гадалкам	320
<i>Глава семнадцатая,</i> в которой горничная Элис достаивается от инспектора Тревишема искреннего комплимента, а Оливия Адамсон вновь получает полезный совет, следовать которому вовсе не собирается.....	343
<i>Глава восемнадцатая,</i> в которой артистов ожидают новые потрясения, а инспектор Тревишем и Оливия Адамсон с разницей в полчаса сталкиваются с наглым шантажом.....	361
<i>Глава девятнадцатая,</i> в которой мужественная Лавиния Бекхайм демонстрирует талант драматической актрисы, сержант Гатри — не свойственные ему обычно чудеса ловкости, а инспектор Тревишем получает обещанное и надеется больше никогда в своей жизни не увидеть ни Оливию Адамсон, ни ее брата.....	382
<i>Эпилог .....</i>	407

МЮЗИК-ХОЛЛ НА ГРОУВ-ЛЕЙН

Многодневный морской переход из Шанхая завершился полным успехом, и 26 июля 1935 года корабль Его Величества «Саффолк», оснащенный четырьмя паровыми турбинами, бросил якорь в гавани Портсмута. Мешкать не стали, и разгрузка началась немедленно.

Вместительные сундуки, обитые стальными листами, спешно выносили из трюма и бережно, со всеми предосторожностями, ставили на палубу крейсера таким образом, чтобы они образовывали аккуратные ряды с узкими проходами. Всего сундуков было девяносто три, каждый был заперт на внушительного вида замок, и на всех без исключения можно было заметить красные ленты, испещренные иероглифами.

За разгрузкой пристально наблюдал сухопарый джентльмен в пенсне и стеганом суконном пальто, слишком теплом для этого времени года, но отлично защищавшем своего владельца от порывов сырого ветра, дующего с пролива. Когда один из матросов крейсера оступился на скользкой палубе, а затем раздался глухой звук удара железа о дерево, джентльмен поморщился и, стремительно подойдя к допустившему оплошность матросу, наклонился к нему и сделал резкое замечание. Светлые глаза за стеклышками пенсне сузились от гнева, пальцы непроизвольно сжали карандаш в кармане пальто, чуть не сломав пополам. Выпрямившись, джентльмен натянуто улыбнулся, адресуя свою улыбку представителю китайской стороны, но тот остался невозмутим, ни одна мышца не дрогнула на маленьком бесстрастном лице.

Пока сундуки выгружали из трюма, пока медленно сносили по трапу, наблюдающие сохраняли молчание. Ветер внезапно утих, затаился где-то высоко в оснастке корабля и теперь забавлялся тем, что заставлял полотнище флага, отсюда, с палубы, казавшееся размером не более носового платка, отчаянно трепетать, словно язычок пламени, сражающийся со сквозняком. Воды гавани в свете догорающего дня отливали тусклым оловом и с вкрадчивым плеском толкались в борта судна, пока ветер не сменил направление и не нагнал серые тучи, угрожающе повисшие над головой. Джентльмен в пенсне поднял воротник пальто и мысленно похвалил себя за предусмотрительность.

Разгрузка длилась до самой ночи, и все это время портсмутская гавань была заполнена королевской охраной в штатском. Один за другим к трапу подъезжали крытые брезентом фургоны и увозили сундуки с бесценным грузом в направлении железной дороги. Все шло по установленному плану, без проволочек и досадных недоразумений, и краснеть перед иностранцами не приходилось, но джентльмен в суконном пальто, а это был не кто иной, как сэр Персиваль Дэвид, директор выставки, видный ученый и страстный коллекционер китайских марок и керамики, все равно был взвинчен до предела и по своему обыкновению ожидал всяческих неприятностей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой Эффи Крамбл и Имоджен
Прайс предпочитают смирению мечь,
а Марджори Кингсли и Лавиния Бекхайм
терзаются ревностью*

— Да ее убить за это мало, миссис Бенни! Вот честное слово, попадись она мне сейчас, я... Я просто не знаю, что бы я с ней сделала!

Эффи Крамбл, сублильная узкоплечая блондинка с остреньким подбородком и лицом простоватым, но выразительным и не лишенным своеобразной прелести, сжала миниатюрный кулачок и потрясла им перед собой. Другая рука девушки скрывалась в уродливом коконе из серого гипса и не слишком чистых бинтов.

— Ну, уж прямо. Не стоит так злобствовать, золотко, — осуждающе покачала головой миссис Бенни, передавая Эффи чашку, наполненную темно-рубиновым чаем, и блюдце с половинкой тоста, смазанного тончайшим слоем маргарина.

Несмотря на обуревающие ее чувства, Эффи красноречивым взглядом выразила недовольство крошечной порцией, и миссис Бенни, заметив это, в обычной своей манере категорично пресекла все возражения:

— Растволстеешь — не поместишься в коробку и пробкой вылетишь из номера. Да и костюмы перешивать придется.

Эффи вздохнула, признавая правоту утверждения, и, капитулируя, приняла блюдо с тостом. Чашку с чаем она поставила на круглый умывальный столик, который вместе с невесть как затесавшимся сюда креслом-качалкой и узкой кроватью составлял всю обстановку ее тесной комнатки в пансионе на Камберуэлл-Гроув. Даже платяной шкаф сюда не влез, заняв место в коридоре, прямо напротив двери, и по утрам, чтобы одеться, приходилось ждать, когда уляжется суета и можно будет без помех достать платье и чулки.

— Но все же, миссис Бенни, что же мне теперь делать? — Губы у Эффи задрожали от обиды. — Ведь я так этого ждала, так надеялась! Как же она могла так бессовестно со мной поступить?!

Миссис Бенни, или, как ее любовно прозвали в труппе «Лицедей Адамсона», Мамаша Бенни, наклонилась к девушке и утешительно похлопала по колену.

— Хватит слезы лить, — мягко посоветовала она, хотя Эффи еще даже не приступала к полноразмерным страданиям. — Бог ей судья, этой выскочке. Она свое еще получит, вот увидишь. Тут надо как можно быстрее связаться с этим мистером, что тебе ангажемент обещал, и без обиняков ему сказать, что так, мол, и так, произошло недоразумение и на выступлении он видел другую актрису.

— Я уже!

Тут Эффи, не вняв доброму совету старшей подруги, мгновенно залилась слезами. С ошеломляющей быстротой, больше похожей на какой-то ловкий трюк, слезинки покатались по ее подвижному личику, закапали на воротник халата из шерстяной фланели, на тонкий, почти прозрачный ломтик хлеба.

— Я уже, уже позвонила ему! Сразу же, как все узнала! И он... — Она всхлипнула, стиснула воротник здоровой рукой, судорожно вздохнула и продолжила: — И он мне

сказал, что ее уже утвердили! Им, оказывается, непременно нужна брюнетка! И еще он сказал, что других ролей для меня у них нету! Вы и не представляете, миссис Бенни, какой это был ужасный разговор! — Эффи закатила глаза к потолку. — Ну просто сущий кошмар! Со мной никто никогда не говорил в подобном тоне. Он обращался ко мне: «Голуба моя!» Представляете? Ума не приложу, что ему наговорила про меня эта...

— ...Ну-ну, золотко, не будем сквернословить. — Миссис Бенни, в прошлой жизни много лет простоявшая за стойкой паба, принадлежавшего ее мужу, ныне покойному, не терпела бранных слов в своем присутствии.

— Да я так зла, миссис Бенни, так зла, что меня всю буквально трясет. Или это от холода? — Эффи прижала ладонь к щеке и вскрикнула: — Ну конечно! Я так продрогла, что у меня руки как ледышки!

Она бросила быстрый изучающий взгляд на свою гостью, а затем решительно достала из сумочки плоскую фляжку в потертom замшевом чехле.

— Мне просто необходимо согреться, — пояснила она, подливая немного бренди в свою чашку с чаем, — а то не хватало еще слечь, как два года назад. Не желаете ли капельку, миссис Бенни? — И она протянула фляжку гостье.

Та покачала головой, отказываясь, и, сделав большой глоток чая, поинтересовалась:

— Ты, золотко, лучше мне вот что расскажи: кто тебе сообщил, что она обскакала тебя с ролью?

От возмущения слезы Эффи высохли так же стремительно, как и появились.

— Она, миссис Бенни, она же сама мне и сказала! И уж вся светилась от восторга, ярче, чем гирлянды на Трафальгар-сквер в рождественскую ночь. И смотрела на меня с этакой мерзкой ухмылочкой, точно ждала, когда я разрыдаюсь у нее прямо на глазах! Вы, миссис

Бенни, непременно подумаете обо мне дурно, да только я уже решила, что сделаю. Да, да! Я так просто этого ей не спущу! Попробуюсь после вечернего представления к ней в гримерку и вырву с корнем этот ее уродливый цветок, над которым она так трясется! Пусть он зачахнет, пусть! Это, похоже, единственное, чем она дорожит. И... и все расскажу про нее Эдди! Он, дурачок, увивается за ней и знать не знает, какая она на самом деле гадкая. И не останавливайте меня, миссис Бенни. Я знаю, что это дурно, но она не оставила мне другого выбора, вы же видите!

Эффи вынула из пузатой дерматиновой сумочки, лежавшей рядом на подушке, носовой платок и осторожно промокнула лицо, стараясь не смахнуть остатки пудры. Торопливо опустошила чашку с чаем наполовину и переставила ее на столик. Затем она бережно прикрыла поврежденную руку здоровой и, тихонько раскачиваясь, несколько минут безучастно смотрела в окно, за которым сгущались сизые сумерки. В этот час, когда весь театральный люд предавался отдыху в перерыве между дневным и вечерним выступлениями, в пансионе миссис Сиверли было на редкость спокойно, и тишину комнаты нарушал только уютный скрип кресла-качалки да едва различимый бодрый говорок радио, доносившийся из комнат хозяйки.

— А ведь это, миссис Бенни, был мой последний шанс, — вздохнула Эффи, и тон ее был лишен всякого налета театральной драматичности, которым частенько грешат актрисы.

— Ну, уж и последний. — Мамаша Бенни выпрямилась в кресле и с преувеличенной горячностью принялась убеждать Эффи, что все у нее впереди, и сценическая карьера дело такое — сегодня пусто, а завтра густо, и что в Театре Флоссомы не раз еще о ней вспомнят, и что

подлинный талант всегда найдет свою дорогу к зрителю, и множество подобной этому жизнеутверждающей чепухи, в которую обе женщины на самом деле не верили, но одна считала своим долгом все это говорить, а другая слушать.

Когда Мамаша Бенни — чуть более пышная, чем следовало, и чуть более смуглая, чем можно было ожидать от уроженки графства Монмут, — закончила свою полную оптимизма речь, Эффи порывисто сжала ее теплую ладонь.

— Миссис Бенни, погадайте мне! — попросила она.

Та, не отнекиваясь, поставила свою чашку на столик, с готовностью вынула колоду из кармана и, придвинувшись вплотную к кровати, принялась раскладывать карты. Первым на пестром лоскутном покрывале появился юноша в колпаке с колокольчиками и с котомкой за спиной. Справа от него легла карта, изображавшая руку, сжимающую посох, слева — карта с тремя танцующими девами, поднимающими золотые кубки. Нахмурившись, гадалка добавила в расклад еще одну. Сверху, над улыбчивым юношей, она выложила карту, изображавшую лежащее на земле тело, пронзенное девятью мечами. Губы гадалки сжались в тонкую линию, и она неодобрительно покачала головой.

— Что там, миссис Бенни? — Эффи не скрывала тревоги. — Что-нибудь нехорошее?

Миссис Бенни быстрым движением руки перемешала карты и вернула их в колоду.

— Чепуха какая-то получилась. Что-то я сегодня не в форме, ты уж, золотко, прости.

Раздался дробный стук, дверь распахнулась, и на пороге, освещенная тусклым светом коридорных ламп, появилась миниатюрная девушка, державшая в руках целую охапку нарядных платьев.

— Та-дам! — Она приложила одно из них к себе, крутанулась на месте и ликующе заявила: — Эффи, милочка, ты только посмотри, какой сюрприз нам приготовил мистер Пропп! Уверена, ты будешь в восторге!

Не услышав радостных восклицаний в ответ, Имоджен Прайс внимательно оглядела расстроенные лица коллег по театральной труппе. Ее улыбка погасла, она решительно прошла в комнату и бросила сценические костюмы на кровать, не заботясь о том, что они могут помяться.

— Ну, рассказывайте, что эта гадкая особа еще натворила?

В гримерку, освещенную лишь парой светильников с плафонами из зеленоватого помутневшего стекла, вошел высокий представительный джентльмен во фраке, цилиндре и белоснежных перчатках. Он прикрыл за собой дверь, аккуратно и неторопливо снял перчатки и уложил их в стоявшую на гримерном столике коробку, в которой находились несколько запасных пар, обернутых замшевой бумагой. Джентльмен закинул руки за спину, повозился неловко, расстегивая пуговицы, которые почему-то находились не на подходящем им месте, и, не без труда сняв фрак, повесил его на безголовый манекен, бережно расправив фалды и щелчком сбив с плеча невидимую соринку.

Под фраком обнаружили белоснежный жилет и батистовая рубашка несколько меньшего размера, чем это принято у джентльменов, предпочитающих выглядеть по-старомодному изысканно, и черные прямые брюки, которые по-хорошему давно было пора расставить в поясе. Джентльмен отцепил пышную манишку, перепачканную гримом, и бросил ее в корзину, затем снял цилиндр, и когда удерживаемые головным убором золотисто-каштановые